

ПРОБЛЕМА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ В РЕЛИГИОЗНОМ ОБРАЗОВАНИИ ХРИСТИАН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ю.Г. Матушанская

Аннотация. *Российская культура в современном постсекулярном мире является частью европейской культуры, основанной на христианской религии. Более того, секуляризация, важное событие в истории стран с европейской культурой, – это результат эволюции христианской цивилизации, как утверждает Дж. Ваттимо. Плюралистический мир невозможно интерпретировать однозначно и свести воедино во имя окончательной истины. Тогда секуляризацию можно рассматривать как новый, очередной этап интерпретации библейского текста, смещения его по отношению к сакральному. Секуляризация помещает текст Библии в измерение, в котором нет разделения на сакральное и профанное.*

Европейская культура наших дней должна трактоваться, по мнению Ваттимо, как секуляризованное христианство. Это обусловлено тем, что христианство, как считает исследователь, – единственный конституирующий элемент современной европейской идентичности. Секуляризация интерпретируется как процесс приватизации и субъективации религии. Религиозное мировоззрение изменяется таким образом, что индивид освобождается от всех форм контроля общества в сфере религиозных воззрений.

Субъективация религии обусловлена идеями Европейского Просвещения, давшими начало антропоцентрическому мышлению, и неразрывно с ними связана. Идеи Просвещения повлияли на формирование системы образования в Российской империи, от начальных ступеней до университетов, при сохранении базовых христианских ценностей образования и исключительного патроната церкви или воздействия структур церкви на начальное образование. Этим обусловлена задача данной статьи: проанализировать взаимодействие христианских образовательных традиций в системе религиозного образования в Российской империи, не касаясь вопросов влияния этой религиозно-конфессиональной ориентации на ситуации в иудейском, буддийском, мусульманском образовании.

Ключевые слова. Российская империя, система образования, религия, христианство, религиозное образование.

Европа стала ориентиром для России в сфере культуры и образования с начала XVIII в., с петровских времён. Это подразумевало и религиозное образование. Петр I взял курс на включение российского общества в контекст западной цивилизации, на приобщение к её образцам, интенсивное, активное внедрение их во все области социальной и культурной жизни. Его целью было формирование сильного светского государства. Система образования была, таким образом, важнейшей частью внутренней политики [Матушанская, 2006: 12], одним из ключевых её элементов.

Киевская Русь была частью христианского мира ещё со времён принятия христианства. Не все элементы церковной жизни были полностью восприняты из практики Византии, были явления, усвоенные и из опыта западной церкви. Так, колокола были взяты из церковной культуры Ирландии [Перевезенцев, 2006: 86-88], церковная десятина – из католической практики. Таким образом, российская культура изначально находилась в контексте европейского христианства. С XIII в. базовой составляющей национальной культуры Руси остаётся православие, определяя и задавая формирование идеалов [Перевезенцев, 2006: 160].

Именно на его основе происходит формирование исторически сменяющих друг друга теологем, осваиваемых русским религиозным сознанием поэтапно. Например, базовой для общественно-религиозного сознания XVI в. является идея-образ «Москва - Третий Рим», в контексте которого России придаётся историческая роль избранного Богом государства, призванного хранить православие после краха Византии. Далее, в XVII в., религиозным сознанием усваиваются такие образы, как «Новый Израиль», «Новый Иерусалим», базирующиеся на Библии, что представляет собой универсалистское понимание всемирно-исторической роли России. Эта теологема нашла отражение в церковной реформе Никона 1653 - 1667 гг. Хотя сама реформа была нацелена на то, чтобы исключить

западное влияние на православную церковь. Парадокс этого явления состоял в том, что задачу «исправления книг» по большей части выполняли выпускники католических и униатских учебных заведений, как наиболее образованные и владеющие языками специалисты [Перевезенцев, 2006: 406-420].

Лютеране появляются в России в 1559 г. В Москве была основана первая лютеранская община в Немецкой (Яузской) слободе, где пастор Тимон Бракель стал проводить богослужения. В 1576 г. в слободе была построена деревянная кирха [Корнилов, 2016: 14]. После великой смуты католические священники были лишены возможности въезда в Россию, при царевне Софье въезд был открыт, и в страну стали приезжать члены ордена иезуитов. Первая католическая школа открылась в Москве в 1685 г. Покровительство Петра I западной культуре в целом и протестантам, в частности, так или иначе распространялось и на католиков. Как известно из отчётов иезуитов, направляемых в Ватикан, католическая школа отличалась высоким качеством преподавания, квалификацией преподавателей, а также была популярна благодаря организации театральных представлений – пьес на библейские темы. Российское дворянство активно посещало этот театр. В период расцвета католической школы (1695-1707 гг.) в ней обучались также и дети протестантов.

В 1698 г. правительство Петра I направило в школу детей русских дворян, так как в учебном заведении на высоком уровне преподавались математика, языки и другие предметы. В интернате при школе, который содержался на дотации иезуитского ордена, жили учащиеся из таких дворянских семейств, как Голицыны, Головины, Мусины-Пушкины, Долгорукие и др. Часть учащихся в процессе учёбы приняли католицизм. Согласно воспоминаниям иезуитов, большинство учеников школы, проучившись там от трёх до шести лет, направлялись в Европу, и многие из них попадали там под влияние кальвинизма [Лиценбергер, 2001: 42-45].

Расцвет московской католической школы длился недолго, и уже к 1710 году она начала переживать упадок. Это было обусловлено финансовыми трудностями, в связи с кончиной богатых покровителей бедная община не могла содержать образовательное учреждение. В 1718 г. правительство ещё направляло в школу учеников, но в 1719 г. преподаватели Ф. Эмилиан и И. Бирула были высланы из России по обвинению в запрещённой переписке с Западом и, что более серьёзно, в прозелитизме. В 1720 г. школа утратила юрисдикцию иезуитов и перешла под ответственность другого ордена – капуцинов. С тех пор и вплоть до 1917 г. ни одна католическая школа в Российской империи уже не поднималась на уровень, которым славилась в начале XVIII в. Московская школа.

В годы правления Павла I иезуиты получили в России значительные привилегии, и на их средства в 1803 г. был открыт Благородный пансион, куда направляли мальчиков из дворянских семей [Лиценбергер, 2001: 73-74]. В XIX в. католические школы существовали и в сельской местности, и в городах, но в большинстве из них изучался только Закон Божий, преподавательский состав был малочислен, материальное обеспечение оставляло желать лучшего – это были бедные школы [Лиценбергер, 2001: 44-46].

Религиозное образование в Российской империи, в первую очередь, было связано со статусом духовенства как сословия. С правления Петра I для допуска детей священников к церковным должностям аттестаты духовных школ были обязательными. На гражданскую службу дети духовенства не допускались, они могли стать только священниками или солдатами. При Петре I правительство требовало открывать общеобразовательные «цифирные» школы при крупных монастырях и архиерейских домах. Обучение в этих школах было обязательно для детей духовенства, хотя священники боялись «латинского» влияния и отдавали детей в учение неохотно. Учеников в школах не хватало. Однако выбор

у духовенства был невелик: если дети священников не проходили предписанного обучения, то становились крепостными либо солдатами, им также запрещалось выдавать свидетельство о браке [Карташев, 1992б: 544]. В таких школах преподавали грамматику, катехизис и арифметику, то есть давали начальное образование. Нехватка преподавателей также была проблемой духовных школ [Карташев, 1992б: 549].

В 1721 г. патриаршество было упразднено. Вышло предписание Священного Синода об открытии школ в каждой епархии. Был введен особый налог для этой цели [Карташев, 1992б: 544-548]. Результатом стало открытие в 1723 г. пяти славяно-латинских учебных заведений в Вятке, Холмогорах, Суздале, Коломне и Казани [Липаков, 2007: 3-4]. В функционировании этих школ поначалу имелись определённые трудности, прежде всего в учебном процессе и его содержании. В каждом конкретном случае содержание учебного курса, его глубину, объём, материалы и издания, на которые следовало ориентироваться преподавателям, приходилось устанавливать для каждого курса и каждого учебного заведения отдельно.

Эти трудности учебного процесса привели, в частности, к тому, что семинария в Казани закрылась на несколько лет. Также успех или неуспех образовательного процесса в духовных учебных заведениях был обусловлен целым рядом факторов, все зависело от наличия учебных материалов, от профессионального уровня преподавателей, от особенностей руководства и не в последнюю очередь от финансирования. В течение всего XVIII столетия попытки унифицировать и регламентировать учебный план, программу обучения не увенчались успехом. Они оставались на рекомендательном уровне [Посохова, 2010: 95].

Иезуитские школы служили примером и образцом для русских духовных образовательных учреждений до второй четверти XIX века [Карташев, 1992а: 594]. Уже в XVII в. появился первый из православных коллегийумов. Киевский митро-

полит Петр Могила адаптировал к местным условиям ряд западноевропейских образовательных форм и создал Киевский (Могилянский) коллегиум [Шарипова, 2000: 53-73], который и впоследствии оставался самым известным из православных духовных учебных заведений. Он ещё во времена Речи Посполитой получил статус академии, подтверждённый впоследствии Москвой. В XVIII веке было создано ещё три православных коллегиума на бывшей польской территории: Черниговский, Харьковский и Переяславский. Эти четыре учебных заведения были единственными коллегиумами в России. Они выработали модель на основе «латинской учёности». Многие преподаватели коллегиумов, став впоследствии епископами, опирались на эти образовательные модели и при создании новых семинарий [Посохова, 2010: 88].

Коллегиумы православные, которые восходят к католическим коллегиумам ордена иезуитов, имели схожую с последними структуру и организацию. Очевидна их генетическая связь и преемственность. И в католических, и в православных коллегиумах налицо была одна и та же программа образования, те же классы, которые ученики должны были проходить в одинаковом порядке (грамматика, поэтика, риторика, философия и богословие), одинаковые формы обучения: семинары и лекции, всесословный состав учащихся в обоих видах коллегиумов [Scaglione, 1986]. В православных коллегиумах, как и в католических, был организован театр. При этом, будучи сходными по форме, православные коллегиумы отличались от католических по содержанию обучения: православные традиции и православное богословие влияло на содержание курсов [Посохова, 2010: 85-88].

Следует также упомянуть немецкие школы, которые создавались в XVI-XVIII вв. в крупных городах России. Поначалу в них получали образование дети самих немцев или других иностранцев, но затем такие школы стали обучать и детей всех местных жителей. Например, лютеранская («шведская») школа

была открыта шведскими военнопленными в Тобольске в 1712-1721 гг., еще в правление Петра I (после заключения Ништадского мира эта школа перестала существовать). На рубеже XVII-XVIII вв. в Немецкой слободе в Москве было две лютеранские школы, одна реформатская (голландская) и уже уминавшаяся католическая [Ковригина, 1998]. В 1763 г. 12 июля Екатерина II издала манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Была объявлена свобода вероисповедания, которой воспользовались, прежде всего, немцы, основавшие колонии в Поволжье. Это были и протестанты, и католики [Kollman, 2017].

При лютеранских и католических церквях немецкие поселенцы создавали школы, в которых чаще всего преподавали священники. Первые такие учебные заведения открылись при церквях в Москве (при церкви Св. Михаила с 1602 г. и при церкви Св. Петра и Павла с 1626 г.) и Санкт-Петербурге (в 1710 г. при церкви Св. Петра), затем школы появились в Архангельске, Барнауле и других местах [Черказьянова, 2004: 53-54]. Петербургская школа в 1762 г. была преобразована в среднее учебное заведение «Школа языков, искусств и наук» [Amburger, 1984]. Первая школа поволжских немцев в Саратове появилась в 1786 г., за четыре года до начала строительства лютеранской церкви. Когда была построена кирха Св.Анны, к ней прикрепили саратовскую немецкую школу [Лиценбергер, 2001: 41]. Преподаватели в немецкие школы, как правило, приезжали из-за границы

В начале XIX в. католическое образование существенно уступало уровню обучения в протестантских школах [Лиценбергер, 2001: 57-64]. Школы при лютеранских церквях Санкт-Петербурга и Москвы действовали на правах гимназий. Евангелические школы в таких городах, как Архангельск, Курск, Одесса, Саратов, Сумы, Харьков были приравнены к уездным училищам [Черказьянова, 2004: 74-79]. Лютеранское образование имело в Российской империи достаточно

высокий статус. Это отчасти объясняется тем, что политика государства была более благосклонной к лютеранам, чем к другим конфессиям, отличающимся от православия, а также тем, что пасторы получали университетскую подготовку.

Павел I в 1802 г. провёл реформу образования, которое было объявлено светским и всесловным. В результате реформы было сформировано министерство народного просвещения, а территория Российской империи была поделена на ряд учебных округов. Во главе каждого округа стоял университет. При том, что образование стало светским и всесловным, в светские образовательные заведения дети священников не допускались. До 1819 г. никто не занимал кафедры богословия в университетах [Вишленкова, 1998: 8], хотя в учебные планы высших учебных заведений и были включены богословские предметы.

В правление Александра I была произведена реформа религиозного образования в рамках общей гуманитарной реформы общества [Вишленкова, 1998: 48]. Как известно, Александр I поддерживал мистическую идею Священного союза, и его политика в отношении религии основывалась именно на этой идее. Концепция Священного союза состояла в том, что, по мнению его сторонников, должна быть создана единая христианская Европа, преодолевшая конфессиональные разделения. Александр I в отношении образования руководствовался идеей «евангельского государства». Следовательно, предполагалось в рамках этих идей, что образование также будет не конфессиональным, а общехристианским.

Таким образом, просвещением в этой области стало заниматься государство, а не церковь. Министерство духовных дел и народного просвещения было создано в 1817 г., за формирование системы начального образования отвечало Главное управление училищ. Важным считалось воспитывать веротерпимость (в рамках христианских конфессий) [Вишленкова, 1998: 29-30]. Однако идея «евангельского государства» просуществовала недол-

го, и к концу царствования Александра I идеалом стал верноподданный слуга царя и отечества [Вишленкова, 1998: 39-40]. Политика государства взяла курс на традиционные ценности.

Польских католиков на территории Российской империи было немало. Соответственно, на всей бывшей территории Польши (пережившей три раздела) действовали и католические школы. Однако ситуация изменилась после подавления Польского восстания 1830-1831 гг. Приходские школы в Подолье и на Волыни закрылись [Лиценбергер, 2001: 99].

В 1832 г. существовавшие в г. Вильно духовная семинария и теологический факультет объединились в Академию и были подчинены Римско-католической духовной коллегии при Министерстве иностранных дел. Все научные и даже дипломные работы, которые выходили из стен Академии, подвергались двойной цензуре. Во-первых, за проверку их отвечала специальная Конференция, состоявшая из всех профессоров и докторов Академии, а во-вторых, научные труды подлежали цензуре правительства. Преподавательский состав высшего учебного заведения также утверждался правительством [Лиценбергер, 2001: 94-95]. Ежегодно Академия подвергалась проверке, для которой министр внутренних дел назначал визитатора. Так продолжалось до 1842 г., когда Академия была переведена в Санкт-Петербург. Там она содержалась из средств казны.

Также следует упомянуть католическую духовную семинарию в Саратове, которая была открыта в 1856 г. Саратов был центром Тираспольской епархии. В семинарию были приглашены преподаватели из других католических семинарий, которые действовали в Вильно, Житомире, Ковно и Минске [Матушанская, 2017а: 63-77]. Было установлено, что каждый год два лучших ученика саратовской семинарии направлялись в Академию в Санкт-Петербург [Лиценбергер, 2001: 117-122].

Начальная православная школа (церковно-приходская) до конца XVIII в., до реформы Павла I, оставалась един-

ственной формой просветительских образовательных учреждений на начальном уровне. После того, как правительство основало ряд светских учебных заведений (пажеский корпус, университеты, народные училища), церковно-приходские школы, тем не менее, продолжали быть самыми массовыми образовательными учреждениями [Вишленкова, 1998: 4]. В начале XIX в. система народного просвещения в Российской империи представляла собой иерархию образовательных заведений: университеты, губернские гимназии, уездные училища, церковно-приходские училища и семинарии [Диссон, 2007: 124-131].

Таким образом, церковно-приходские школы были низшей ступенью в народном образовании. Во второй половине XIX в. в стране образовалась сеть просветительских учреждений, имевших целью поднять грамотность населения, в которую вошли, как составная часть, и церковно-приходские школы. Половина начальных школ в империи находилась под юрисдикцией и контролем Священного Синода. При этом реформы 1860-70 годов не коснулись государственной политики в отношении инославных конфессий [Римский, 2000].

Духовенство в период реформ было изолировано от других слоёв общества. Было чрезвычайно трудно перейти из мирян в духовное сословие (тогда как дворянином, например, можно было стать в силу заслуг на государственной службе, получив награду и т.д.). Крестьянин или купец не мог стать священником, дворянин – с большим трудом. Закон 1808 г. гласил, что в духовных заведениях могли учиться сыновья священников, а кроме них – исключительно дворяне, но последние получать такое образование и не стремились. Дворяне в некоторых случаях могли постричься в монахи, но ни один из них не поступил в приходское духовенство.

Дети священников также были ограничены в выборе. Возможность получения образования зависела от дохода родителей, а доход этот, как правило, был незначителен, так как семьи духовенства

были обычно многодетными. А от образования, в свою очередь, зависело место в причте, которое мог получить сын священника [Римский, 1995: 167]. Проблема была решена законом от 26 мая 1869 г., согласно которому дети священников уже не относились сами по себе к духовному сословию, считались разночинцами и могли поступать в университеты и лицеи. Именно они и пополняли ряды студенчества и российской интеллигенции, которая как раз и формировалась в этот период. Например, студентами Демидовского юридического лицея в определённое время на четыре пятых были дети духовенства [Римский, 1996: 45].

Закон от 26 мая 1869 г. действовал и в обратную сторону – в семинариях и духовных училищах теперь могли учиться представители не только духовенства, но и всех других сословий, так что с этого момента священником мог стать каждый. Произошла реорганизация семинарий и других церковных учебных заведений, в частности, в них усилили изучение педагогики, но полностью отменились естественно-научные предметы [Римский, 1995: 174]. Как пишет Лори Манчестер [Manchester, 2008], дети священнослужителей, уйдя из своего сословия, тем не менее сохранили его ценности. Служение просвещению они воспринимали как подвижничество. Кроме того, они считали себя «истинно русской интеллигенцией», подчёркивая инородческие корни других представителей интеллектуальной культуры, как дворян, так и выходцев из еврейской среды.

До реформы, проведенной при Александре II, в категорию образованных людей входили преимущественно представители высшего сословия. В результате же реформы получить образование мог каждый, что и способствовало формированию новой социальной группы – русской интеллигенции, в которую вошли выходцы из разных сословий, при этом чаще всего оставляя ту среду, из которой вышли. Дети священников становились юристами, а дети иудеев (мещанское сословие) дополнили ряды деятелей российской культуры: Исаак Левитан, Борис

Пастернак, Лев Шестов. Представителей российской интеллигенции объединяла только вовлечённость в культурный процесс в силу полученного высшего образования. В рамках новой социальной среды сформировалась либерально-гуманистическая этика, с позиции которой интеллигенция стала оказывать влияние и на систему религиозного образования [Матушанская, 2017б: 111-125].

Как верно заметила Вера Шевцова [Шевцова, 2010: 147], в эпоху модернизации происходит одновременно отчуждение широких масс от религии и углубление веры отдельных верующих. В противовес реформам Александра II, в 1870-1890 гг. было предпринято несколько «контрреформ», одним из главных направлений которых стало воспитание нового поколения в духе православия, чему должно было способствовать возрождение церковно-приходских школ. Об этом говорит статистика: количество церковно-приходских школ в стране с 1858 г. по 1863 г. увеличилось примерно в десять раз (было 2270, стало 21421). Церковь и школа были связаны неразрывно. Школа имела в каждом приходе.

Однако в 1880-1890 гг. широкое развитие получили земские школы, и количество церковно-приходских школ уменьшилось. Все церковные школы перешли под юрисдикцию Министерства народного просвещения. Прежде всего, это коснулось всех лютеранских школ Московской и Петербургской евангельских консисторий, а в последнюю очередь, указом от 10 декабря 1892 г. Министерству народного просвещения были подчинены и все римско-католические школы [Черказьнова, 2004: 103]. Таким образом, под новую юрисдикцию поступили образовательные заведения иностранных конфессий. Русские немцы бойкотировали русские школы, открывали альтернативные немецкие школы тайно, протестуя против русификации [Черказьнова, 2004: 109].

В 1884 г. по инициативе К.П. Победоносцева были приняты «Правила о церковно-приходских школах» [Плеханов, 2004: 69-70], и это дало начало но-

вому подъему церковно-приходского образования. При этом статус церковно-приходских школ был неясен. Согласно Правилам, они находились под юрисдикцией Синода, под управлением епархиальных училищных советов. Руководство церковно-приходских школ назначалось архиереями. Преподавательский состав пополнялся из людей с духовным образованием. Прямое попечение школами осуществляли приходские священники. Характер обучения был преимущественно религиозным.

Одним из ярких представителей просвещения в духе православной веры был выпускник Казанской духовной академии Николай Иванович Ильминский, подвизавшийся в деле обучения крещённых татар) [Werth, 2000: 497-523]. Так, по мнению Пола Верта [Werth, 2002], миссионерская деятельность православной церкви имела тогда, в том числе, своей целью создать верных подданных для империи, что являлось одной из основ строительства Российского государства. Миссионерский проект был инициативой «снизу», и шел от религиозного рвения самих миссионеров. Государство, основной идеологией которого было русское православие, можно назвать «конфессиональной империей». Язык конфессии выполнял функции основного маркера инаковости и основным принципом категоризации населения [Crews, 2003: 50-83].

Церковь имела исключительное право обучать в таких школах и отвечала за их содержание (то есть несла расходы) [Плеханов, 2004: 71]. При этом функции церковно-приходских школ дублировали предназначение земских школ. «Правила о церковно-приходских школах» 1884 г. гласили: «Школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» [Хрестоматия по истории педагогики, 1936: 73]. Сходная функция уже была предписана и земской школе, согласно «Положению о начальных народных училищах» 1864 г.: «утверждать в народе религиозные и нравственные

понятия и распространять первоначальные полезные знания» [Хрестоматия по истории педагогики, 1936: 350]. При этом земские школы активно развивались, а уровень церковно-приходской школы был заметно более низким, что делало её своего рода пережитком прошлого.

Демократическая педагогическая публицистика выступала с резкой критикой церковно-приходской школы. Предметом критики был не только низкий уровень образования, но и общая направленность: охранительская, консервативная. Однако и Синод, и правительство учли критику и всемерно стали повышать уровень и качество образования в приходских школах. Возросли и государственные ассигнования на приходское образование. Если в 1896 г. ассигнование составляло 3,5 млн. руб., то в 1908 году – уже 16,7 млн. руб. Этот рост вложений также сыграл позитивную роль. Повысился уровень образования в школах, была сформирована сеть учительских семинарий, так что к 1907 г. уже 90% преподавателей церковно-приходских школ имели педагогическое образование [Плехнов, 2004: 71].

Отношение к старообрядцам – ещё один немаловажный аспект ситуации, сложившейся в Российской империи в сфере религиозного образования христиан. Старообрядцам на законодательном уровне было запрещено собираться в общины, иметь общественное имущество, проводить собрания, иметь свои периодические издания (журналы и газеты). Это ограничение в правах сохранялось вплоть до 1905 г. [Козлов, 1999: 190]. В конце XVIII – начале XIX вв. часть старообрядцев примирилась с существующей в стране ситуацией [Керов, 1997: 60]. Многие старообрядческие семьи поселились в крупных российских городах. Основным традиционным занятием городских старообрядцев была торговля, которая не требовала высшего образования [Матушанская, 2017в: 103-108], поэтому вопрос об обучении в университетах для них не стоял.

В 50-60 гг. XIX в. в крупных городах были основаны единоверческие учили-

ща, в которых преподавали Закон Божий по старопечатным книгам. Что касается начального образования, митрополит Платон составил в 1783 г. «Правила единоверия», где в 16 пунктах излагались пути к возможному компромиссу между официальной и старообрядческой церквями. Одним из путей к такому сосуществованию двух церквей было разрешение старообрядцам отдавать своих детей в церковно-приходские школы. Однако представители старообрядцев не пользовались этим разрешением, в основном предпочитали обучать детей на дому.

Церковно-приходские школы рассматривались официальной церковью как эффективное средство в идейной борьбе с «расколом», причем, согласно документам К.П. Победоносцева, к категории «раскольников всех вероисповеданий» относили не только собственно старообрядцев, но и евангельских христиан и баптистов, а также всех, кто называется сейчас «нетрадиционными конфессиями» [Жорнилов, Погасий, Тулянская, Кульчитский, 2016: 60]. К.П. Победоносцев был убеждён в особой роли церковно-приходских школ в воспитании детей «раскольников» в православном духе: «Трёхлетнее пребывание в школе... незаметно подрывает в раскольнических ребятах то средостение, которым раскольники думают оградить себя от влияния православной церкви» [Всеподданичский отчёт ..., 1904: 226-227].

Таким образом, хотя православная церковь сохраняла приоритет в вопросах начального образования, христианское религиозное образование в Российской империи включило и объединило образовательные традиции многих конфессий. Церковно-приходская школа в начале XX в. повысила качество образования и привела его в соответствие с требованиями того времени. Программы высших учебных заведений были светскими. Исключение составляли Духовные Академии и педагогические (учительские) институты, готовившие преподавателей для церковно-приходских школ. В российских университетах так и не ввели предмет теология, в отличие от европей-

ских высших учебных заведений. В сфере среднего образования школы с высоким уровнем преподавания (католические, лютеранские) привлекали представителей всех христианских конфессий, и прежде всего детей аристократии, и эта тенденция не менялась на протяжении всей истории Российской империи. Ценились школы, открывающие перспективы обучения за рубежом или в основных российских университетах. Таким образом, результатом взаимовлияния религиозных традиций различных христианских конфессий в Российской империи стала определенная унификация религиозного образования.

Список литературы:

- Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой половины XIX века. Казань: Изд. КГУ, 1998. 189 с.
- Всепопданический отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 г. СПб.: Синодальная типография, 1904. Т.VI. 125 с.
- Диссон Ю.А. «Благородная альтернатива» российским университетам: лицеи и университетские пансионы // Высшее образование в России. 2007. № 2. С. 124-131.
- Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т.: Т.1. М.: Терра, 1992а. 686 с.
- Карташев А.Л. Очерки по истории русской церкви. В 2 т.: Т.2. М.: Терра, 1992б. 569 с.
- Керов В.В. Старообрядческое предпринимательство: от общего суда ко спасению других // Старообрядчество: история, культура, современность: тезисы III научно-практической конференции, 15-17 мая 1997 г. М., 1997. С. 56-61.
- Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII-первой четверти XVIII в. М.: Археографический центр, 1998. 440 с.
- Козлов В.Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII-XX века). М.: Языки русской культуры, 1999. С. 190-239.
- Корнилов И.П., Погасий А.К., Тулянская Ю.Т., Кульчитский А.Е. Протестанты в России и Татарстане: история и современность. Йошкар-Ола: Издательство МРИПП, 2016. 280 с.
- Липаков Е.В. Казанская духовная семинария. Исторический очерк. Казань: Центр инновационных технологий, 2007. 131 с.
- Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: История и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. 384 с.
- Матушанская Ю.Г. Католицизм в России. Казань: Школа, 2017а. 115 с.
- Матушанская Ю.Г. Проблема модернизации религиозного образования в Российской империи // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2017б. № 2 (34). С. 111-125.
- Матушанская Ю.Г. Христианское образование в Российской империи // Казанский педагогический журнал. 2017в. № 3. С. 103-108.
- Матушанский Г.У., Бушмина О.В. Становление и развитие системы послевузовской подготовки научно-педагогических кадров в России. Казань: Издательство КГЭУ, 2006. 223 с.
- Перевезенцев С.В. Тайна русской веры. От язычества к империи. М.: Издательский дом «Вече», 2006. 432 с.
- Плеханов Е.А. Российская приходская школа 60-80-х гг. XIX в. // Педагогика. 2004. № 8. С. 69-80.
- Посохова Л. Православные коллегии Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) // AbImperio. 2010. № 3. С. 85-112.
- Римский С.В. Церковная реформа 60-70 гг. XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 166-175.

Римский С.В. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 32-48.

Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ: Церковная реформа в России 1850-1870 гг. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2000. 567 с.

Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции: Для высших пед. уч. завед. / Автор-сост. Н. А. Желваков. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1936. 516 с.

Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII-XX вв.). СПб.: СПбГУТД, 2004. 368 с.

Шарипова Л. «Ещё о человеке многих миров»: Пётр Могила – традиционалист, реформист, оппортунист // Ablmperio. 2000. № 1. С. 53-74.

Шевцова В. Православие в России накануне 1917 г. М.: Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.

Amburger E. Die deutschen Schulen in Russland mit besonderer Berücksichtigung St. Petersburg // Deutscher Einfluss auf Bildung Wissenschaft mit östlichen Europa. Köln, Wien, 1984. S. 68-115.

Crews R. Empire and Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108. № 1. P. 50-83.

Kollman N. The Russian Empire 1450-1801. Oxford: Oxford University Press, 2017. 512 p.

Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia and the Modern Self in Revolutionary Russia. Dekalb: Northern Illinois University Press, 2008. 304 p.

Scaglione A. The Liberal Arts and the Jesuit College System. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 1986. 248 p.

Werth P. From "pagan" Muslims to "baptized" communists: Religious conversion and ethnic particularity in Russia's Eastern provinces // Comparative studies in society and history. 2000. Vol. 42. № 3. P. 497-523.

Werth P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1825-1905. Ithaca: Cornell University Press, 2002. 275 p.

Об авторе:

Матушанская Юлия Григорьевна – профессор кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) Федерального университета. ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет». Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18.

PROBLEM OF INTERCONFESSIONAL INTERACTIONS IN RELIGIOUS EDUCATION OF CHRISTIANS OF THE RUSSIAN EMPIRE

J.G. Matushanskaya

Abstracts. *In the modern post-secular world it is necessary to notice the role of religion as a basis of European culture (including Russian culture). Secularization itself, according to J. Vattimo, is a product of development of the Christian civilization. Our modern pluralistic world can't be any more an object of interpretation seeking to bring it together by all means for the sake of the final truth. In this context secularization is the main event in the history of Europe and of the countries of the European culture (including Russia), it is one more stage of interpretation of the text of the Bible which displaces it in relation to sacral, placing it in other dimension where the profane and the sacral are inseparable from each other. The culture of modern Europe has to be understood as secularized Christianity, because Christianity, according to Vattimo, is the only constituting element of modern European identity. Secularization in this case is a process of change of religious outlook towards release of the individual from any form of public control in religious views that is privatization and the subjectivation of religion.*

The process of the subjectivation of religion is connected with the European project of Enlightenment. The age of Enlightenment generated anthropocentric thinking. Under the influence of ideas of Enlightenment the system of primary, secondary and higher education was formed in the Russian Empire. At the same time education was initially based on Christian values. The task of our article isn't consideration of problems and decisions which were caused by this religious and confessional orientation concerning, for example, Judaic, Muslim or Buddhist education. We consider the process of interaction of Christian educational traditions in the system of religious education in the Russian Empire. At the same time it must be kept in mind that primary education was either under patronage of the church, or under strong influence of church structures.

Key words. Russian Empire, education system, religion, Christianity, religious education.

References:

Vishlenkova E.A. *Duhovnaja shkola v Rossii pervoj poloviny XIX veka* [The Spiritual school in Russia in the first half of the nineteenth century]. Kazan, KSU Publishing house, 1998. 189 p. (In Russian).

Vsepoddanicheskij otchet ober-prokurora Svjatejshego Sinoda K. Pobedonosceva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanijaza 1900 g. [Comprehensive report of the chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Department of Orthodox confession for 1900]. Saint-Petersburg, Synodal printing house, 1904. V. VI. 125 p. (In Russian).

Disson J.A. «Blagorodnaja al'ternativa» rossijskim universitetam: liceii universitetskie pansiony [“Noble alternative to the” Russian universities: high schools and University pensions]. *Vysshee obrazovanie v Rossii - Higher education in Russia*, 2007, no. 2, pp. 124-131 (In Russian).

Kartashev A.V. *Ocherki po istorii russkoj cerkvi. V 2 t.: T.1* [Essays on the history of the Russian Church. In 2 vol.: vol.1]. Moscow, Terra, 1992a. 686 p. (In Russian).

Kartashev A.L. *Ocherki po istorii russkoj cerkvi. V 2 t.: T.2* [Essays on the history of the Russian Church. In 2 vol.: vol. 2]. Moscow, Terra, 1992b. 569 p. (In Russian).

Kerov V.V. Staroobryadcheskoe predprinimatel'stvo: ot obshhego suda ko spaseniju drugih [Old Believer entrepreneurship: from the General court to the salvation of others]. *Staroobryadchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost': tezisy III nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Old Belief: history, culture, modernity: theses of the III scientific-practical conference, may 15-17, 1997]. Moscow, 1997. pp. 56-61 (In Russian).

Kovrigina V.A. *Nemeckaja sloboda Moskvy i ee zhiteli v konce XVII-pervoj chetverti XVIII v.* [German quarter of Moscow and its inhabitants in the end of XVII-first quarter of XVIII century]. Moscow, Archaeological center, 1998. 440 p. (In Russian).

Kozlov V.F. Moskovskoe staroobryadchestvo v pervoj treti XX v. (hramy, molel'ni, obshhestvennye organizacii i uchrezhdenija) [Moscow old believers in the first third of the twentieth century. (churches, chapels, public organizations and institutions)]. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII-XX veka)* [Old Believers in Russia (XVII-XX century)]. Moscow, Languages of Russian culture, 1999. pp. 190-239 (In Russian).

Kornilov I.P., Pogasij A.K., Tuljanskaja JU.T., Kulchitskij A.E. *Protestanty v Rossii i Tatarstane: istorija i sovremennost'* [Protestants in Russia and Tatarstan: history and modernity]. Yoshkar-Ola, Publishing house MRIPP, 2016. 280 p. (In Russian).

Lipakov E.V. *Kazanskaja duhovnaja seminarija. Istoricheskij ocherk* [Kazan theological Seminary. Historical essay]. Kazan, Center of innovative technologies, 2007. 131 p. (In Russian).

Licenberger O.A. *Rimsko-katolicheskaja cerkov' v Rossii: Istorija i pravovoe polozenie* [The Roman Catholic Church in Russia: History and the legal status]. Saratov, Volga region Academy of public service, 2001. 384 p. (In Russian).

Matushanskaja J.G. *Katolicizm v Rossii* [Catholicism in Russia]. Kazan, School, 2017a. 115 p. (In Russian).

Matushanskaja J.G. Problema modernizacii religioznogo obrazovanija v Rossijskoj imperii [the Problem of modernization of religious education in the Russian Empire]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo jenergeticheskogo universiteta - Vestnik Kazanskogo energeticheskogo universiteta*, 2017b, no. 2 (34), pp. 111-125 (In Russian).

Matushanskaja J.G. Hristianskoe obrazovanie v Rossijskoj imperii [Christian education in the Russian Empire]. *Kazanskij pedagogičeskij žurnal - Kazan pedagogical journal*, 2017c, no. 3, pp. 103-108 (In Russian).

Matushanskij G.U., Bushmina O.V. *Stanovlenie i razvitie sistemy poslevuzovskoj podgotovki nauchno-pedagogičeskikh kadrov v Rossii* [Formation and development of system of postgraduate training of scientific and pedagogical shots in Russia]. Kazan, Publishing house KSEU, 2006. 223 p. (In Russian).

Perevezencev S.V. *Tajna russoj very. Ot jazychestva k imperii* [The Mystery of the Russian faith. From paganism to the Empire]. Moscow, Veche Publishing house, 2006. 432 p. (In Russian).

Plehanov E.A. Rossijskaja prihodskaja shkola 60-80-h gg. XIX v. [Russian parish school 60-80-ies of the XIX century]. *Pedagogika – Pedagogy*, 2004, no. 8, pp. 69-80 (In Russian).

Posohova L. Pravoslavnye kollegii Rossijskoj imperii (vtoraja polovina XVIII-nachalo XIX vv.) [Orthodox collegiums of the Russian Empire (the second half of the XVIII-early XIX centuries)]. *Ab Imperio – Ab Imperio*, 2010, no. 3, pp. 85-112 (In Russian).

Rimskij S.V. Cerkovnaja reforma 60-70 gg. XIX veka [Church reform of 60-70 of the XIX century]. *Otechestvennaja istorija - Russian history*, 1995, no. 2, pp. 166-175 (In Russian).

Rimskij S.V. Cerkovnajareforma Aleksandra II [Church reform of Alexander II]. *Voprosy istorii - Questions of history*, 1996, no. 4, pp. 32-48 (In Russian).

Rimskij S.V. *Rossijskaja cerkov' v jepohu Velikih reform: Cerkovnajareforma v Rossii 1850-1870 gg.* [The Russian Church in the era of Great reforms: Church reform in Russia, 1850-1870]. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e, 2000. 567 p. (In Russian).

Khrestomatiia po istorii pedagogiki. T. IV. Istoriia russoi pedagogiki s drevneishikh vremen do Velikoi proletarskoj revoliutsii: Dlia vysshikh ped. uch. zaved. [Textbook on the history of pedagogy. Vol. IV. History of Russian pedagogy from the earliest times to the great proletarian revolution: to higher ped. academic instit.] / Edited by N.A. Zhelvakov. Moscow, State education-pedagogical publishing house, 1936. 516 p. (In Russian).

Cherkazjanova I.V. Shkol'noe obrazovanie rossijskikh nemcev (problemy razvitija i sohraneniija nemeckoj shkoly v Sibiri v XVIII-XX vv.) [Schooling of Russian Germans (problems of development and preservation of the German school in Siberia in the XVIII-XX centuries)]. Saint-Petersburg, SPbSUTD, 2004. 368 p. (In Russian).

Sharipova L. «Eshhe o cheloveke mnogih mirov»: Petr Mogila – tradicionalist, reformist, opportunist [“Still about man many worlds”: Peter Grave – a traditionalist, reformist, opportunist]. *Ab Imperio – AbImperio*, 2000, no. 1, pp. 53-74 (In Russian).

Shevcova V. *Pravoslavie v Rossii na kanune 1917 g.* [Orthodoxy in Russia on the eve of 1917]. Moscow, Dmitry Bulanin, 2010. 488 p. (In Russian).

Amburger E. Die deutschen Schulen in Russland mit besonderer Berücksichtigung St. Petersburg. *Deutscher Einfluss auf Bildung Wissenschaft mit östlichen Europa*. Köln, Wien, 1984. ss. 68-115 (In German).

Crews R. Empire and Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia. *American Historical Review*, 2003, Vol. 108, no. 1, pp. 50-83.

Kollman N. *The Russian Empire 1450-1801*. Oxford, Oxford University Press, 2017. 512 p.

Manchester L. *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia and the Modern Self in Revolutionary Russia*. Dekalb, Northern Illinois University Press, 2008. 304 p.

Scaglione A. *The Liberal Arts and the Jesuit College System*. Amsterdam-Philadelphia, John Benjamins, 1986. 248 p.

Werth P. From “pagan” Muslims to “baptized” communists: Religious conversion and ethnic particularity in Russia’s Eastern provinces. *Comparative studies in society and history*, 2000, Vol. 42, no. 3, pp. 497-523.

Werth P. *At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia’s Volga-Kama Region, 1825-1905*. Ithaca, Cornell University Press, 2002. 275 p.

About the Author:

Julia G. Matushanskaya – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Religious Studies Department at Kazan Federal University. Russia, 420008, Kazan, Kremlevskaya str. 35. E-mail: jgm2007@yandex.ru.